

ЗАНЯТЫЕ ИСТОРИИ

Занятные истории

«Сибирская Благозвонница»

2008

Занятные истории / «Сибирская Благовонница», 2008

Отдохните и улыбнитесь. В этой книге собраны забавные и поучительные истории из жизни Российских императоров, государственных деятелей, знаменитых писателей, художников и ученых. Это не только легкое и веселое чтение для православных христиан, это весьма ценный биографический и исторический материал о быте и нравах русского общества в различные эпохи. Книга адресована широкому кругу читателей, будет интересна и взрослым и детям.

, 2008

© Сибирская Благовонница, 2008

Содержание

Российские императоры и императрицы	5
Император Петр Великий	5
Императрица Екатерина Великая	11
Император Павел I	17
Император Александр I	20
Император Николай I	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Занятные истории

*По благословению митрополита
Ташкентского и
Среднеазиатского Владимира*

Российские императоры и императрицы

Император Петр Великий (1672–1725)

При возвращении из Англии в Голландию корабль Петра выдержал ужасную четырехдневную бурю. Самые опытные моряки объявили царю, что положение очень опасное.

– Чего вы боитесь, господи? – ответил Петр весело, – слыханное ли дело, чтобы царь русский утонул в море немецком?!

* * *

Только что аккредитованному при русском дворе Бранденбургскому посланнику Петр назначил аудиенцию в четыре часа утра. Посланник явился во дворец в пять, но императора уже не застал, тот уехал в Адмиралтейство. Посланник принужден был отправиться туда же, так как имел весьма спешные поручения.

Царь, когда ему доложили о прибытии бранденбуржца, был наверху мачты строящегося корабля.

– Если не успел найти меня в назначенный час в аудиенц-зале, пусть позаботится взойти сюда, – сказал Петр.

Посланнику, чтобы вручить императору верительные грамоты, ничего не оставалось, как взобраться по веревочной лестнице на грот-мачту и провести длительную беседу о важных политических вопросах, сидя между небом и морем на бревне.

* * *

Князь Федор Юрьевич Ромодановский, известный как Князь-Кесарь, заведовал Преображенским приказом. При своей страшной жестокости, изумлявшей самого Петра, этот человек был набожен и особенно почитал святого Николая Угодника. Раз, накануне Николина дня, один колодник, содержащийся в приказе за убийство, объявил, что хочет сообщить князю нечто очень важное. Ромодановский велел привести арестанта к себе. Тот бросился князю в ноги и стал просить, чтобы его отпустили в деревню к родным – провести с ними в последний раз праздник и проститься, так как, вероятно, его скоро казнят. Кесарь был озадачен такой неслыханной дерзостью.

– Да как ты смеешь просить об этом, злодей! – закричал, наконец, князь, придя в себя от изумления.

– Помилуй, отец мой! Святой Никола Чудотворец воздаст тебе за то сторицею.

– Кто же за тебя поручится? – спросил, уже смягчившись, князь Ромодановский.

– Сам святой Угодник. Он не попустит мне солгать.

Начальник приказа задумался, потом заставил разбойника поклясться в том, что он непременно вернется, и затем отпустил его в деревню, которая находилась где-то недалеко от Москвы.

Враги князя тотчас же донесли об этом государю. Петр приехал и спрашивает:

– Правда ли, что ты отпустил разбойника?

– Отпустил, но только на пять дней, чтобы он мог проститься с родными.

– Да как же ты мог поверить злодею, что он вернется?

– Он назвал своим поручителем святого Николая Угодника, который не попустит ему солгать.

– Но когда он мог убить человека, то что стоит ему солгать святому, тем более что он уличен в убийстве и знает, что будет казнен?

Но князь стоял на своем.

– Ну, дядя, смотри, чтоб не ответить за него тебе, если он не будет в срок, – сказал государь.

В назначенный день преступник явился в приказ благодарить князя и сказал, что теперь готов с радостью принять заслуженную казнь.

Обрадованный князь поехал к государю и доложил об этом. Петр удивился и потребовал к себе арестанта.

– Знаешь ли ты, что за убийство, совершенное тобою, ты должен быть казнен?

– Ведаю, Надёжа-Царь.

– Как же, ведая, возвратился ты на верную смерть?

– Я поклялся именем святого Чудотворца Николая. К тому же я заслужил смертную казнь и приготовился к ней покаянием. Да если б я и вздумал бежать, то святитель Николай не попустил бы мне того, и я рано или поздно был бы пойман и еще большую потерпел бы муку.

Петр всегда оказывал снисхождение, когда видел чистосердечное раскаяние, и прощал всех, кроме убийц; но на этот раз он был так тронут, что приказал заменить смертную казнь для этого преступника солдатскою службой в одном из сибирских полков.

* * *

Стольник Желябужский впал в такое преступление, которое, по справедливости, заслуживало публичного наказания и ссылки, к чему воинским судом он и был приговорен, а приговор тот был утвержден государем. Сын стольника, человек молодой и видный, узнав о таком приговоре, при выходе государя из дворца пал к стопам его и со слезами возопил:

– Надёжа-Государь! Не дерзаю умолять тебя смягчить приговор, учиненный судом отцу моему, зная, что оный правосуден, а прошу только из единого милосердия твоего: преступление отца и заслуженное им наказание перенести на меня. Он, при старости и слабости своей, наказания такого перенести не сможет, а я, по молодости и крепости моей, удобно снесу и заплачу тем за рождение свое. И таким образом, без нарушения правосудия твоего, спасу и мать мою, которая не может перенести столь горестного лишения мужа; малолетних же братьев и сестер избавлю от несносного сиротства и бесчестия всего нашего рода.

Государь, чувствительно тронутый таковой сыновнею нежностью, поднял его и, поцеловав, сказал:

– За рождение такого сына, как ты, прощаю твоего отца и возвращаю его семейству, а тебя жалую чином и местом его, надеясь, что исполнишь должность лучше, нежели отец твой.

* * *

После Полтавской победы Петр I пригласил однажды пленных офицеров к своему столу и, при питии за здравие, сказал:

– Пью за здравие моих учителей в военном искусстве!

Шведский фельдмаршал Рейншильд спросил при этом, кого он удостаивает таким названием.

– Вас, господа.

– В таком случае Ваше Величество очень неблагодарны, поступив так дурно со своими учителями.

Государю так понравился этот ответ, что он немедленно велел возвратить Рейншильду его шпагу.

* * *

Кум и денщик Петра Великого, Афанасий Данилович Татищев, неисполнением какого-то приказа сильно прогневал государя. Царь велел наказать его за это батожем перед окнами своего дворца. Офицер, которому поручено было исполнение экзекуции, приготовил барабанщиков, и виновный должен был сам явиться к месту наказания. Но Татищев медлил идти и думал, авось гнев государя пройдет. Поэтому он тихонько пошел вокруг дворца. На дороге ему встретился писарь Его Величества, некто Замятин. У Татищева мелькнула блестящая мысль – послать вместо себя Замятина.

– Куда ты запропастился? – сказал он ему. – Государь тебя уж несколько раз спрашивал и страшно на тебя гневается. Мне велено тебя сыскать. Пойдем скорее! – И повел его к барабанщикам.

В это время государь взглянул в окно и, сказав:

– Раздевайте! – отошел прочь.

Татищев, будто исполняя повеление государя, закричал солдатам, указывая на Замятина:

– Что ж вы стали? Принимайтесь!

Беднягу раздели, положили и начали исполнять приказание, а Татищев спрятался за угол.

Скоро Петру стало жаль Татищева. Выглянув из окна, он закричал:

– Полно! – и поехал в Адмиралтейство.

А проказник между тем отправился к Екатерине. Государыня выразила ему свое сожаление по поводу наказания и сказала:

– Как ты дерзок! Забываешь исполнять то, что приказывают.

Татищев, не входя в дальнейшее рассуждение, бросился ей в ноги.

– Помилуй, матушка-государыня! Заступи и спаси. Ведь секли-то не меня, а подьячего Замятина.

– Как Замятина? – спросила государыня с беспокойством.

– Так, Замятина! Я, грешник, вместо себя подвел его.

– Что ты это наделал! Ведь нельзя, чтоб государь твоего обмана не узнал: он тебя засечет.

– О том-то я тебя и молю, всемилостивейшая государыня! Вступишь за меня и отврати гнев его.

– Да как это случилось?

– Ведь под батоже-то ложиться невесело, – отвечал Татищев, стоя на коленях, и рассказал все, как было.

Государыня, пожурая его, обещалась похлопотать. К счастью, государь приехал с верфи очень веселый. За обедом Екатерина заговорила о Татищеве и просила простить его.

– Дело уже кончено. Он наказан и гневу моему конец, – сказал Петр.

Надо заметить, что если Петр Великий говорил кому-нибудь: «Бог тебя простит», – то этим уже все прощалось, будто ничего и не было. Этих-то слов и добивалась государыня.

Немного погодя она опять попросила, чтобы государь не гневался более на Татищева. Петр промолчал. Она в третий раз заговорила о том же.

– Да отвяжись, пожалуйста, от меня! – сказал, наконец, царь. – Ну, Бог его простит.

Едва были произнесены эти слова, как Татищев уже обнимал колени Петру, который подтвердил свое прощение. Тогда Татищев признался, что сечен был не он, а Замятин, и в заключение прибавил:

– И ничто ему, подьячему крючку.

Шутка эта, однако, не понравилась государю.

– Я тебе покажу, как надобно поступать с такими плутами, как ты! – сказал он, берясь за дубинку. Но тут Екатерина напомнила, что он уже именем Божиим простил виновного.

– Ну, быть так, – сказал государь, останавливаясь, и приказал рассказать, как было дело. Татищев чистосердечно, не утаивая ничего, все рассказал. Призвали Замятина, и он подтвердил, что это правда.

– Ну, брат, – сказал государь, – прости меня, пожалуйста! Мне тебя очень жаль, а что делать? Пеняй на плута Татищева. Однако ж я сего не забуду и зачту эти побои тебе вперед.

Впоследствии Петру Великому пришлось сдержать свое слово. Замятин попался в каком-то преступлении, за которое следовало его судить; но царь решил, что так как некогда он понес незаслуженное наказание, то следует вменить ему оное как понесенное за нынешнее преступление.

* * *

Балакирев, любимый шут Петра I, известен тем, что своими шутками, не боясь гнева Петра, постоянно высказывал ему правду в глаза, и этим, можно сказать, благодетельствовал России; благодаря ему и его шуткам открывалось царю много такого, что осталось бы в неизвестности.

Однажды Петр Великий, интересуясь общественным мнением о новой столице, спросил Балакирева, какая молва народная ходит про новорожденный Петербург.

– Батюшка, царь-государь! – отвечал любимый шут, – народ говорит: с одной стороны море, с другой – горе, с третьей – мох, а с четвертой – ох!

* * *

Один из придворных страшно страдал зубами; придворный этот был большой говорун. Вот он обратился к Балакиреву, не знает ли тот средства, как унять боль.

– Знаю и причину, знаю и средство, – сказал в ответ Балакирев.

– Скажи, ради Бога.

– У тебя болят зубы оттого, что ты их очень часто колотишь языком – это причина.

– Оставь глупости, пожалуйста, говори, какое на это средство?

– А средство – чаще спи и как можно более.

– Почему так?

– Потому что язык твой во время сна находится в покое и не тревожит зубов.

* * *

Один раз Петр Великий так был рассержен Балакиревым, что прогнал его совсем, не только с глаз долой, но вон из отечества.

Балакирев повиновался, и его долго не было видно.

По прошествии времени, Петр, сидя у окна, вдруг видит, что Балакирев с женою едут в своей одноколке мимо его окон.

Государь, рассердился заслушание и, выскочив на крыльцо, закричал:

– Кто тебе позволил, негодяй, нарушать мой указ и опять показываться на моей земле?

Балакирев остановил лошадь и сказал:

– Ваше Величество! Не спорю – лошади мои ходят по вашей земле, но их вы и не лишали отечества, а что касается меня с женой, то мы сидим на своей земле.

– Это как так?

– Весьма просто и обыкновенно: извольте посмотреть, вот и свидетельство на покупку земли. – Балакирев при этом подал царю бумагу.

Государь увидел на дне одноколки с пуд земли и прочел свидетельство о покупке, засмеялся и простил Балакирева.

* * *

Государыне Екатерине I давно хотелось видеть жену Балакирева, и потому она не раз просила шута привести ее во дворец, но Балакирев все почему-то медлил с исполнением воли императрицы. Однажды государь был очень скучен и сидел в своем кабинете; им овладевала хандра; входить в это время было нельзя и даже опасно. Балакирев, не зная на этот раз другого средства вывести государя из тяжелого положения, отправился к жене.

– Жена! Государыня тебя требует во дворец... скорей одевайся... царская одноколка у крыльца дожидается.

Жена Балакирева была очень удивлена этим предложением, она к тому же никогда не была во дворце; все заставило ее поскорее одеться, чтобы не упустить случая представиться царице.

– Послушай, жена! Как только ты приедешь к царице, то не забывай, что она немного глуха, и потому старайся, говоря с нею, кричать... Государыня на тех обижается, кто говорит с нею вполголоса, – она ничего разобрать не может.

Жена Балакирева обещала слушаться совета мужа. Пришли во дворец; оставив жену в передней, Балакирев взялся сам доложить о своей жене.

– Ваше Величество! Я сегодня только вспомнил о том, что вы приказывали мне представить жену; сегодня я решился на это; но буду вас просить, государыня, чтобы вы говорили с ней как можно громче, потому что она чрезвычайно глуха. Не будет ли такой разговор для Вашего Величества обременителен?

– Нисколько! Что за беда! Я так рада.

Балакирев ввел к Екатерине свою жену, а сам вышел в другие комнаты.

Разговор между государыней и женой Балакирева начался. Государыня кричала громко, еще громче кричала жена Балакирева: получалось, одна перекрикивала другую. Государь, услышав шум, пошел на голоса, чтобы узнать о причине.

Балакирев двинулся навстречу императору.

– Что там за шум, Балакирев?

– Ничего, Алексеич, это наши жены между собою дружескую беседу ведут.

Но беседа эта разносилась по всем комнатам. Государь пошел в ту комнату и стал спрашивать у Екатерины, что за крик. Вопрос был сделан обыкновенным голосом. Екатерина обыкновенным голосом отвечала, что причиною тому глухота жены Балакирева.

Жена Балакирева, слыша, что ее предполагают глухою, извинилась перед государыней, ска зав, что ей муж приказал говорить громко и не велел жалеть легких по случаю глухоты императрицы.

Эта выходка рассмешила государя и государыню; припадок ипохондрии у Петра прошел, и Балакирев, обратясь к жене, сказал:

– Ну, будет, накричалась... теперь говори своим голосом.

Императрица Екатерина Великая (1729–1796)

Однажды, при обыкновенном выходе, представлялся ко двору генерал Шестаков, служака времен императрицы Елисаветы Петровны, человек престарелый, но простой, и давно, а может быть, и никогда не бывавший в столице. Разговаривая с ним, государыня Екатерина Великая к чему-то сказала:

- Я до сих пор вас не знала.
- Да и я, матушка-государыня, не знал вас до сих пор, – отвечал он простодушно.
- Верю, – с улыбкой промолвила царица, – где уж и знать меня, бедную вдову!

* * *

В 1790-х служил в Сенате секретарем чиновник по фамилии Поздняк; вместе с тем он был домашним секретарем при Д.П. Трошинском. Однажды Трошинский передал ему для снятия копии подписанный императрицей указ. Поздняк положил его отдельно от прочих бумаг и, дабы он не запачкался, вложил его в обложку. Придя домой, Поздняк занялся разборкой бумаг и черновые, ненужные, начал разрывать; в числе их нечаянно захватил обложку, в которой был указ императрицы, и, вместе с указом, разорвал ее. Увидав сейчас же свою ошибку, он страшно испугался: сначала хотел броситься в Неву, но потом, не изменяя своему намерению, решился прежде зайти в Казанский собор и, перед смертью, помолиться и испросить у Бога прощения за свое вынужденное преступление. Во время молитвы ему почудилось, что будто бы кто-то советовал ему все это объяснить прямо императрице. Из собора он возвратился домой и, надев свой сенатский мундир, поехал в Царское Село, где в то время жила государыня. Там он остановился у священника, которому рассказал свое горе. Священник сказал ему, что обыкновенно, в 7 часов утра, императрица гуляет с одной дамою в саду, указал место ее гулянья и даже посоветовал, где лучше остановиться и ждать государыню, – это было на повороте из одной аллеи в другую.

Поздняк так и сделал.

На другой день, забравшись в сад, он уже часов в 6 с нетерпением ожидал императрицу. Действительно, в 7 утра она показалась в сопровождении придворной дамы. Он опустился на колени и замер. Императрица заметила его, не доходя несколько шагов, и остановилась в нерешительности; но потом, видя сенатский мундир и смиренную, коленопреклоненную позу, подошла и спросила, что ему нужно. Тогда несчастный рассказал ей свое горе.

– Ты не лжешь? – спросила его государыня, – ты действительно по ошибке разорвал мой указ?

– Бог свидетель, матушка, что ошибкою, – отвечал Поздняк.

– А кто писал указ? – спросила императрица.

– Я, матушка-государыня, – отвечал он.

– Ну, ступай, перепиши и завтра в это время будь здесь.

Он так и исполнил.

На другой день, в 7 часов утра, он, с чернильницей и пером, был уже на том самом месте.

Императрица опять явилась в сопровождении той же дамы; увидев его, подозвала к себе, взяла указ, прочитала и, приказав ему поклониться, подписала у него на спине. Отдавая ему, сказала:

– Прежде всего, благодари Бога, что он удержал тебя от самоубийства и внушил тебе мысль явиться ко мне. И помни: чтобы об этом никто, кроме тебя и меня, не знал.

Он свято исполнил волю императрицы: никогда и никому об этом не говорил. Прошло несколько месяцев, его вызывает к себе Трощинский:

– Давно ли ты задними ходами, мимо начальства, ходишь к императрице? – грозно спросил его Трощинский.

– Помилуйте, ваше высокопревосходительство, я никогда не бывал у императрицы, – отвечал Поздняк.

– Врешь! Матушка-царица жалует тебе 300 душ и Владимирский крест; на, возьми его и сейчас подавай в отставку. Я не хочу служить с теми, кто забегает к государыне задними ходами.

Поздняк в испуге передал тогда Трощинскому все происшествие. Трощинский взял его за руку, подвел к образу, поставил на колена и сам встал, сказав: «Будем молиться за матушку-царицу – такой другой нам не нажить», – и оставил его на службе.

* * *

Тобольский губернатор Федор Глебович Немцов, несправедливо действуя, обогатил ся не законными средствами.

Лейб-гвардии конного полка офицер Григорий Михайлович Осипов отправлен был императрицею для расследования... По возвращении его в Петербург, Екатерина, рассматривая следственные бумаги и делая вопросы с замечаниями, сказала:

– Желая знать ваше мнение?

Осипов, спасая Немцова, доложил ей:

– Вашему императорскому Величеству дозволейте припомнить – *не вниди в суд с рабом Твоим.*

Екатерина похвалила его мнение и сказала:

– Накажем сановника ссылкой в его тверскую деревню.

Впоследствии окружающим сказала: «Осипов подает надежду быть истинным слугой».

* * *

Однажды за большим обедом разговаривая с послами европейских государств, Екатерина с горячностью поддерживала мнение откровенно неправильное. В некотором отдалении стоял статс-секретарь Григорий Николаевич Теплов и, обращаясь к знакомому сказал, что о сем разговоре, предосудительном уму и сердцу императрицы, надобно сожалеть. Государыня имела тонкий слух, поняла разговор и, обернувшись к Теплову спросила, о чем это он. Теплов, к удивлению всех, отвечал ей самую правду. Императрица замолчала, но было видно, что она недовольна. После кофе она по обыкновению откланялась и ушла во внутренние комнаты.

Все укоряли Теплова. Однако он, окруженный толпою царедворцев, сказал, что знает нрав государыни, а потому, чтобы невовратно не лишиться хорошего о себе мнения, должен был говорить истину. Вскоре приходит за ним камердинер Попов, и все придворные с нетерпением ждут развязки. После продолжительной аудиенции Теплов возвращается с богатой табакеркой, осыпанной крупными бриллиантами; он получил ее из рук Екатерины при следующих словах: «Вот знак признательности за данный урок, но прошу быть снисходительнее в большом обществе; а когда заметите ошибки в моих суждениях, доставайте, открывайте табакерку мне в предостережение».

* * *

В один из торжественных дней, в которые Екатерина всенародно приносила в Казанском соборе моление и благодарение Господу Богу, небогатая дворянка, упав на колени перед образом Божией Матери, повергла перед ним бумагу. Императрица, удивленная таким необыкновенным действием, приказывает подать себе эту бумагу – и что же видит? Жалобу Пресвятой Деве на несправедливое решение тяжбы, утвержденное Екатериной, которое повергает просительницу в совершенную бедность. «Владычица, – говорилось в жалобе, – просвети и вразуми благосердную нашу монархиню, да судит правый суд». – Екатерина приказала просительнице явиться к ней во дворец через три дня. Между тем потребовала из Сената ее дело и прочла его с великим вниманием.

Прошло три дня. Дама, принеся жалобу Царице Небесной на царицу земную, с трепетом явилась во дворец.

– Вы правы, – сказала Екатерина, – я виновата! Простите меня: один Бог совершен; а я ведь человек. Но я поправлю мою ошибку: имение ваше вам возвращается, а это примите от меня и не помните огорчений, вам нанесенных, – и вручила ей драгоценный подарок.

* * *

Екатерина Великая чрезвычайно любила маленьких детей. Она привязывалась и к детям своих служителей, и к сиротам, которых воспитывала и которыми окружала себя постоянно. Однажды полиция нашла на улице ребенка, покинутого родителями. Императрица взяла его на свое попечение, и так как он оказался красивым и умным мальчиком, то сама занялась его образованием и каждый день посылала в школу брать уроки немецкого языка. Раз ребенок возвратился из школы весьма печальный. Императрица посадила его к себе на колени и с участием спросила о причине горя.

– Ах, матушка, – отвечал он, – я много плакал: наш учитель умер, его жена и дети в большом отчаянии. В школе говорят, они очень несчастны, потому что бедны, что теперь у них нет никого, кто бы дал им обедать.

Выслушав это, императрица поцеловала ребенка и тотчас же послала одного из своих придворных к директору школы узнать подробнее о положении бедного семейства. Когда ей донесли, что учитель умер, оставив семью в крайней нищете, она приказала выдать вдове триста рублей, а детей поместить на казенный счет в одно из учебных заведений.

* * *

Однажды на звон колокольчика императрицы Екатерины никто из прислуги не явился. Она из кабинета прошла в гардеробную и далее – никого. Наконец, в одной из задних комнат увидела истопника, который усердно увязывал объемистый узел. Увидев императрицу, он обомлел и упал пред нею на колени.

– Что такое? – удивилась государыня.

– Простите меня, Ваше Величество.

– Да что же такое ты сделал?!

– Да вот, матушка-государыня: набил мешок всяким добром из дворца Вашего Величества. Тут есть и жаркое, и пирожное, и несколько бутылок пивца, и несколько фунтиков конфет для моих ребятишек. Я отдежурил мою неделю и теперь отправляюсь домой.

Царица нахмурилась, напуганный истопник решил, что она хочет его наказать за воровство. Он робко и с трепетом взирал на нее. Однако государыню беспокоило иное:

– А как же и где же ты хочешь выйти?

– Да вот здесь, по этой лестнице.

– Нет, здесь не ходи, тут тебя встретит обергофмаршал и, боюсь, что тогда твоим детям ничего не достанется. Возьми-ка свой узел и иди за мною.

И она повела его через залы на другую лестницу, убедилась, что путь свободен, и сама отворила дверь:

– Ну, теперь иди с Богом!

* * *

В царствование Екатерины II сенат положил решение, которое императрица подписала. Этот подписанный приказ перешел от генерал-прокурора к обер-прокурору, от этого – к обер-секретарю, от этого – к секретарю, и таким образом он попал в экспедицию.

В этот день в экспедиции был дежурным какой-то приказной подъячий. Когда он остался один, то послал сторожа за вином и напился пьян.

При чтении бумаг попало ему в руки подписанное императрицею решение. Когда он прочел «быть по сему», то возмутился и сказал:

– Врешь, не быть по сему.

Взял перо и исписал всю страницу этими словами: «врешь, не быть по сему» и лег спать.

На другое утро он пошел домой, в экспедиции нашли ту бумагу и обмерли со страха.

Поехали к генерал-прокурору князю Вяземскому. С этой бумагой он поехал к императрице и бросился ей в ноги.

– Что такое? – спросила она.

– У нас несчастье, – сказал Вяземский, – пьяный дежурный испортил ваш приказ.

– Ну, что ж, – сказала государыня, – я напишу другой, но я вижу в этом перст Божий; должно быть, мы решили неправильно. Пересмотрите дело.

Пересмотрели дело, и оказалось, действительно, оно решено было неправильно.

* * *

Некий Я.Ф. Фрейгольд занимал должность, на которой, без всякого сомнения, в то время обогатился бы любой взяточник. Но Фрейгольд был честным человеком и потому не нажил ничего и вышел со службы чист и беден.

Его представили к пенсии.

Государыня, прочитав прошение о пенсии, сказала, что он, конечно, сберег что-нибудь из своих экстраординарных доходов, наверняка он получал немало подношений от просителей.

Ей доложили, что он действительно формально ничего не имеет.

– Или он дурак, – отвечала она, – или честнейший человек и в обоих случаях имеет надобность в пособии.

И подписала указ.

* * *

В 1789 и 1790 годах адмирал Чичагов одержал блистательные победы над шведским флотом, которым командовал сначала герцог Зюдерманландский, а потом сам шведский король Густав III. Старый адмирал был осыпан милостями императрицы: получил Андреевскую ленту

1 388 душ крестьян, потом Орден святого Георгия 1-й степени, еще 2 417 душ, а при заключении мира похвальную грамоту, шпагу, украшенную алмазами, и серебряный сервиз.

При первом после того приезде Чичагова в Петербург императрица приняла его милостиво и изъявила желание, чтобы он рассказал ей о своих походах. Для этого она пригласила его к себе на следующее утро. Государыню предупреждали, что адмирал почти не бывал в хороших обществах, а потому иногда употребляет неприличные выражения и может не угодить ей своим рассказом. Но императрица осталась при своем желании. На другое утро явился Чичагов. Государыня приняла его в своем кабинете, и, посадив против себя, вежливо сказала, что готова слушать. Старик начал...

Сперва он робел перед императрицей, но чем дальше входил в рассказ, тем больше оживлялся и, наконец, пришел в такую восторженность, что кричал, махал руками и горячился, как бы при разговоре с равным себе.

Описав решительную битву и дойдя до того, когда неприятельский флот обратился в полное бегство, адмирал вошел в раж, ругал трусов-шведов, причем употреблял такие выражения, которые можно слышать только в кабаке. «Я их, я их...», – кричал адмирал. И вдруг опомнился, в ужасе вскочил с кресла и повалился перед императрицей.

– Виноват, матушка, Ваше императорское Величество...

– Ничего, – кротко сказала императрица, не дав заметить, что поняла непристойные выражения, – ничего, Василий Яковлевич, продолжайте; я ваших морских терминов не разумею.

Она так простодушно это сказала, что старик от души поверил, опять сел и докончил рассказ. Императрица отпустила его с чрезвычайным благоволением.

* * *

Во время одного из съездов ко двору императрица стояла у окна и заметила, что какой-то кучер, сойдя с козел, гладил и ласкал своих лошадей.

– Я слыхала, – сказала государыня присутствовавшим, – что кучерскими ухватками у нас называются грубые, жестокие поступки, но посмотрите, как этот кучер обходится с животными; он, верно, добрый человек, узнайте, кто его господин?

Ей доложили, что кучер принадлежит сенатору князю Я.П. Шаховскому. Императрица приказала позвать Шаховского и встретила его следующими словами:

– К вашему сиятельству есть челобитчица.

– Кто бы это, Ваше Величество? – спросил удивленный Шаховской.

– Я, – отвечала Екатерина: – ваш кучер добросовестнее всех других; я не могла довольно налюбоваться на его обращение с лошадьми. Прибавьте, прошу, ему за это жалованье.

– Государыня! Сегодня же исполню ваше приказание.

– А чем же вы наградите его, – скажите мне?

– Прибавкою пятидесяти рублей в год.

– Очень довольна и благодарна, – сказала императрица и подала Шаховскому руку.

* * *

Екатерина, разговоривая однажды с юным внуком своим, Александром Павловичем, спросила его: какой эпизод в истории ему больше нравится?

– Поступок французского короля Генриха IV, когда он посылает хлеб осажденному им Парижу, – отвечал Александр.

Восхищенная императрица, обняв его, сказала:

– Ты будешь отцом своих подданных!

Слова ее пророчески исполнились.

* * *

Екатерина Великая не терпела шутов, но держала около себя одну женщину, по имени Матрена Даниловна, которая жила во дворце на всем готовом, могла всегда входить к государыне, звала ее «сестрицей» и рассказывала о городских новостях и слухах.

Слово ее нередко принималось к сведению. Однажды Матрена Даниловна почему-то начала дурно отзываться об обер-полицмейстере Рылееве.

– Знаешь ли, сестрица, – говорила она императрице, – все им недовольны; уверяют, что он нечист на руку.

На другой день Екатерина, увидав Рылеева, сказала ему:

– Никита Иванович! Пошли-ка Матрене Даниловне что-нибудь из зимних запасов твоих; право, сделай это, только не говори, что я присоветовала.

Рылеев не понимал, с каким намерением императрица давала ему этот совет, однако же отправил к шутихе несколько свиных туш, индеек, гусей и тому подобного. Все это было принято весьма благосклонно.

Через некоторое время императрица сама начала в присутствии Матрены Даниловны дурно отзываться о Рылееве и выразила намерение сменить его.

– Ах нет, сестрица, – отвечала Матрена Даниловна, – я перед ним виновата, ошиблась в нем: все твердят, что он человек добрый и бескорыстный.

– Да, да, – засмеялась царица, – тебе нашептали это его гуси и утки. Помни, что я не люблю, чтобы при мне порочили людей без основания. Прошу вперед быть осторожнее.

Император Павел I (1754–1801)

Император Павел I, подходя к Иорданскому подъезду Зимнего дворца, после крещенского парада, заметил белый снег на треугольной шляпе поручика.

– У вас белый плюмаж! – сказал государь.

А белый плюмаж составлял отличие бригадиров, чин которых в армии, по табелю о рангах, соответствовал статским советникам.

– По милости Божьей, Ваше Величество! – ответил находчивый поручик.

– Я никогда против Бога не иду! Поздравляю бригадиром! – сказал император и пошел во дворец.

* * *

Однажды проезжал император Павел мимо какой-то гауптвахты. Караульный офицер в чем-то ошибся.

– Под арест! – закричал император.

– Прикажете сперва смениться, а потом арестуйте, – сказал офицер.

– Кто ты? – спросил Павел.

– Подпоручик гауптвахты.

– Здравствуй, поручик.

* * *

В 1800 году, несколько исключенных из службы офицеров, сосланных на жительство в Смоленск, напившись пьяны, вынесли свои мундиры на двор и, при толпе народа, сожгли их.

Генерал-губернатором в Смоленске в то время был Михаил Михайлович Философов, человек необыкновенного ума и характера. Узнав о безрассудном поступке офицеров, он приказал арестовать их и ждал прибытия императора Павла, который в то время объезжал западные губернии.

Государь узнал об этом дорогою, прибыл в Смоленск в величайшем раздражении и отправился прямо в собор. При входе в храм, губернатор Философов стал в дверях и, расставив руки в обе стороны, не пускал государя.

– Что такое?! – воскликнул император.

– В Священном Писании, – твердо и спокойно ответил Философов, – сказано: *Гневный да не входит в дом Божий.*

Павел остановился, подумал и сказал:

Я не гневен, я равнодушен: прощаю всех.

– Гряди во имя Господне! – отвечал Философов, отступил в сторону и низко поклонился.

Государь в тот же день пожаловал ему Андреевскую ленту.

* * *

При одном докладе министра император Павел сказал решительно:

– Хочу, чтобы было так!

– Нельзя, государь!

– Как нельзя! Мне нельзя?

- Сперва перемените закон, а потом делайте, как угодно.
- Ты прав, братец, – ответил император, успокоившись.

* * *

Однажды Павел выехал из дворца на санках прокатиться. Дорогой он заметил офицера, который был настолько навеселе, что шел покачиваясь. Император велел своему кучеру остановиться и подозвал к себе офицера.

– Вы, господин офицер, пьяны, – грозно сказал государь, – становитесь на запятки моих саней.

Офицер встал на запятки за царем ни жив ни мертв. От страха у него и хмель пропал. Едут они. Завидев в сторонке нищего, протягивающего к прохожим руку, офицер вдруг закричал государеву кучеру:

– Остановись!

Павел с удивлением оглянулся назад. Кучер остановил лошадь. Офицер встал с запяток, подошел к нищему, полез в карман и, вынув какую-то монету, подал милостыню. Потом он возвратился и встал опять на запятки за государем.

Это понравилось Павлу.

– Господин офицер, – спросил он, – какой ваш чин?

– Штабс-капитан, государь.

– Неправда, сударь, капитан.

– Капитан, Ваше Величество, – отвечал офицер.

Повернули на другую улицу, и там офицер подал милостыню. Император опять спрашивает:

– Господин офицер, какой ваш чин?

– Капитан, Ваше Величество.

– Ан нет, неправда, майор.

– Майор, Ваше Величество.

На обратном пути, Павел опять спрашивает:

– Господин офицер, какой ваш чин?

– Майор, государь, – было ответом.

– А вот, неправда, сударь, подполковник.

– Подполковник, Ваше Величество.

Наконец они подъехали к дворцу. Соскочив с запяток, офицер самым вежливым образом говорит государю:

– Ваше Величество, день такой прекрасный, не угодно ли будет прокатиться еще несколько улиц?

– Что, господин подполковник, – сказал государь, – вы хотите быть полковником? Так вот нет же, довольно с вас и этого чина.

Государь скрылся в дверях дворца, а спутник его так и остался подполковником. Потому что, как известно, у Павла I не было шутки и все сказанное им исполнялось в точности.

* * *

Раз, при разводе караула, Павел I, прогневавшись на одного гвардейского офицера, закричал:

– В армию, в гарнизон его!

Исполнители подбежали к офицеру, чтобы вывести его из фронта. На что офицер громко сказал:

– Из гвардии да в гарнизон! Ну, уж это не резон.
Император расхохотался.

– Мне это понравилось, господин офицер, – сказал он, – мне это понравилось, прощаю вас.

Император Александр I (1777–1825)

Воцарение императора Александра было встречено всеобщим восторгом. Петербургский генерал-губернатор, граф Пален, докладывая об этом государю, сообщил ему, между прочим, что народ с такою жадностью и радостью расхватал манифест о вступлении на престол, что теперь экземпляры его продаются уже по рублю.

– Государь, – прибавил Пален, – вы счастливы: вы любимы народом!

– Я тогда буду счастлив, – отвечал Александр, – когда и через пятнадцать лет увижу то же самое.

* * *

Фельдмаршал граф Н.И. Салтыков просил императора Александра при вступлении на престол об определении своего сына президентом в одну из коллегий.

– Я сам молод, – отвечал ему Александр, – и с молодыми советчиками мне делать нечего.

* * *

После венчания на царствование Александра I все лица, заключенные в предшествовавшее время в Петропавловскую крепость, были освобождены. Один из арестантов, оставляя каземат, написал на дверях его: «Свободен от постоя». Об этом донесли государю. Он улыбнулся и заметил, что следовало бы прибавить к надписи слово «навсегда».

* * *

Князь П.А. Зубов, оказавший императору Александру I при его воцарении важные услуги, просил государя исполнить одну просьбу, не объясняя, в чем она состоит. Государь дал слово. Тогда Зубов попросил подписать заранее изготовленный простительный и определительный указ для генерал-майора Арсеньева, который был наказан за то, что в итальянскую кампанию 1799 года бросил свой полк во время сражения. Император поморщился, однако подписал: «Принять вновь на службу». Через минуту, подойдя к Зубову, он начал просить его также выполнить одну свою просьбу. Зубов выразил готовность исполнить беспрекословно все, что прикажет государь. Тогда Александр сказал ему:

– Пожалуйста, разорвите подписанный мною указ.

Зубов растерялся, покраснел, но, делать нечего, разорвал.

* * *

В 1807 году, во время пребывания своего в Вильне, император Александр поехал однажды гулять верхом за город и, опередив свою свиту заметил на берегу реки Вилейки несколько крестьян, которые что-то тащили из воды. Приблизившись к толпе, государь увидел только что утонувшего парня. Крестьяне, приняв царя за простого офицера, обратились к нему за советом, что делать в этом случае. Александр тотчас соскочил с лошади, помог им раздеть несчастного и начал сам растирать его. Вскоре подоспела свита государя, среди которой находился и лейб-медик Виллье. Последний хотел пустить утопшему кровь, но она не пошла. Алек-

сандр продолжал тереть его виски, руки и подошвы, однако утопший не подавал ни малейшего признака жизни. После длительных усилий Виллье, к величайшему огорчению государя, объявил, что все дальнейшие старания вернуть утопленника к жизни будут напрасны. Александр, несмотря на усталость, просил Виллье попробовать еще раз пустить кровь. Лейб-медик исполнил его настоятельное желание и, к удивлению всех, кровь пошла и несчастный тяжело вздохнул. Император прослезился от радости и умиления и, взглянув на небо, сказал:

– Боже мой! Эта минута – счастливейшая в моей жизни!

Возвращенному к жизни продолжали подавать деятельные пособия. Виллье старался удержать кровь, которой вытекло уже довольно. Государь разорвал свой платок, перевязал руку больного и оставил его не прежде, как уверившись, что он вне опасности. По приказанию Александра, бедняк был перенесен в город, где император не переставал заботиться о нем и по выздоровлении дал ему средства к безбедному существованию.

* * *

Однажды министр юстиции И.И. Дмитриев, явсь с докладом к императору Александру, представил ему дело об оскорблении Величества. Государь, отстранив рукою бумаги, сказал:

– Ведь ты знаешь, Иван Иванович, что я этого рода дела никогда не слушаю. Простить – и кончено. Что же над ними терять время?

– Государь, – отвечал Дмитриев, – в этом деле есть обстоятельства довольно важные, дозвоьте хоть их доложить отдельно.

Александр, помолчав и подумав немного, возразил:

– Нет, Иван Иванович, чем важнее такого рода дела, тем меньше хочу их знать. Тебя это, может быть, удивляет, но я тебе объясню. Может случиться, что я, как император, все-таки прощу, но как человек буду сохранять злобу; а я этого не хочу. Даже при таких делах впредь не говори мне никогда имени оскорбителя, а говори просто: «дело об оскорблении Величества», потому что я, хотя и прощу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя, а это нехорошо.

* * *

В сражении при Монмартре особенно отличился находившийся в русской службе генерал граф Ланжерон. Через несколько дней после этого, на обеде, к которому был приглашен и Ланжерон, император Александр обратился к графу и сказал:

– Я недавно осматривал высоты Монмартра и нашел там запечатанный конверт на ваше имя.

Ланжерон отвечал, что ничего не терял.

– Однако, я, кажется, не ошибся, – возразил государь, и, вынув из кармана пакет, подал ему, прибавив: – посмотрите.

Взяв пакет, Ланжерон с удивлением увидел, что он, действительно, адресован на его имя. Можно судить о его радости, когда, распечатав пакет, он нашел в нем орден св. Андрея Первозванного.

* * *

В 1818 году, беседуя с прусским епископом Эллертом, император Александр сказал: «Императрица Екатерина была умная, великая женщина, но что касается воспитания сердца в духе истинного благочестия, при петербургском дворе было – как почти везде. Я чувствовал

в себе пустоту, и мою душу томило какое-то неясное предчувствие. Пожар Москвы (в 1812 году) просветил мою душу; суд Божий на ледяных полях России преисполнил мое сердце теплотою веры.

Тогда я познал Бога, как открывает нам Его Святое Писание; с тех только пор я понял Его волю и Его закон, и во мне зрела твердая решимость посвятить себя и свое царствование Его имени и славе».

* * *

Во время своего путешествия в Вятку в 1824 году государь Александр Павлович проезжал одну станцию на сибирском тракте. Пока перепрыгали лошадей, он вышел прогуляться по довольно большому селению. По дороге зашел в небольшую, но светлую и довольно опрятную избу. Увидел старуху, сидевшую за прялкой, и попросил у нее напиток. Старуха, не зная о приезде государя, подала жбан холодного кваса. Напившись, государь спросил ее: видела ли она царя?

– Где ж мне, батюшка, видеть его? Вот, говорят, скоро проезжать здесь будет: народ-то, чай, валом валит, куда уж мне, старухе.

В этом время входит в избу свита государя.

– Экипажи готовы, Ваше Величество, – сказал барон Дибич.

В ту же минуту старуха сдернула с головы свою шамшуру (головной убор) и, подняв ее вверх, закричала: «Караул!»

Государь изумился:

– Что с тобою, старушка? Чего ты кричишь?

– Прости меня, грешную, батюшка царь! Нам велено было, как завидим тебя, кричать, а что кричать, не сказали...

Государь рассмеялся и, оставив на столе красную ассигнацию, отправился в дальнейший путь.

* * *

Проезжая в 1824 году через Екатеринославскую губернию, император Александр остановился на одной станции пить чай. Пока ставили самовар, государь разговорился со станционным смотрителем и, увидев у него на столе книгу Нового Завета, в довольно подержанном виде, спросил:

– А часто ли ты заглядываешь в эту книгу?

– Постоянно читаю, Ваше Величество.

– Хорошо. Читай, читай, – заметил император, – это дело доброе. Будешь искать блага души, найдешь и земное счастье. А где ты остановился в последнее чтение?

– На Евангелии святого апостола Матфея, Ваше Величество.

Государь по какой-то необходимости выслал смотрителя и в его отсутствие проворно раскрыл книгу на одной из глав Евангелия от Марка и вложил в нее пять сотенных ассигнаций.

Прошло несколько недель. Возвращаясь обратно по той же дороге, государь узнал станцию и приказал остановиться.

– Здравствуй, старый знакомый, – сказал он, входя к смотрителю, – а читал ли ты без меня свое Евангелие?

– Как же, Ваше Величество, ежедневно читал.

– И далеко дошел?

– До святого Луки.

– Посмотрим. Давай сюда книгу.

Государь развернул ее и нашел положенные им деньги на том же месте.

– Ложь – великий грех! – сказал он, вынул бумажки и, указывая смотрителю на открытую им страницу, прибавил: – Читай.

Смотритель с трепетом прочитал: *Ищите прежде Царствия Божия, а остальное все приложится вам.*

– Ты не искал Царствия Божия, – заметил государь, – а потому недостойн и царского приложения.

С этими словами он вышел, отдал деньги на бедных села и уехал, оставив смотрителя в полном смущении.

* * *

Император Александр I, принимая, проездом через какой-то губернский город, тамошних помещиков, между прочим у одного из них спросил:

– Как ваша фамилия?

– В деревне осталась, Ваше Величество, – отвечал тот, решив, что его спрашивают о семействе.

* * *

Император Александр I, по вступлении на престол, издал указ «об истреблении непозволительных карточных игр», где, между прочим, было сказано, что «толпа бесчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, одним ударом исторгает из рук неопытных юношей достояние предков, веками службы и трудов уготованное». Всех уличенных в азартных играх приказано было брать под стражу и отсылать к суду. Государь, однажды встретив Левашева, сказал ему:

– Я слышал, что ты играешь в азартные игры?

– Играю, государь, – отвечал Левашев.

– Да разве ты не читал указа, данного мною против игроков?

– Читал, Ваше Величество, – ответил Левашев, – но этот указ ко мне не относится: он обнародован в предостережение «неопытных юношей», а самому младшему из играющих со мною 50 лет.

Император Николай I (1796–1855)

Император Николай Павлович имел обыкновение прогуливаться рано утром и проходил по Адмиралтейскому бульвару, Английской набережной, Миллионной улице. Однажды, в пятницу на Вербной неделе, он заметил впереди солдата, который быстро шмыгнул в ворота. Государь своим мощным голосом сказал:

– Солдат, поди-ка сюда!

Солдат немедленно появился пред государем и, как ни струсил, отдал подобающую честь.

– Кто ты такой?

– Бессрочный отпускной пехотного полка.

– Что ты несешь?

– Собственную работу, Ваше императорское Величество, продавать.

Солдат развязал узел, в котором находилось несколько табакерок из папье-маше, с разными изображениями и рисунками, сделанными не совсем аляповато.

– Сам делал?

– Точно так, Ваше императорское Величество, собственное произведение.

Государь взял в руки одну, на крышке которой был нарисован портрет Наполеона I.

– У тебя есть свой император, почему же ты чужого нарисовал?

– Своему здесь быть не годится, Ваше императорское Величество.

– Почему же?

Солдат достал из узла еще одну подобную табакерку и начал объяснять.

– Когда желают понюхать, сейчас французского короля по носу (солдат стучит по крышке двумя пальцами), а как только понюхают: чхи! И – здравия желаю, Ваше императорское Величество! извольте посмотреть. И он показал на внутренней стороне крышки довольно схожий портрет императора Николая Павловича.

Государь рассмеялся, велел солдату отобрать ему три такие табакерки и, заплатив за них 50 рублей, направился в квартиру князя Паскевича.

Князь Иван Федорович еще спал.

– Вставай, отец командир, – провозгласил государь, – я тебе подарок принес, – и Николай Павлович, смеясь, рассказал объяснение солдата.

* * *

Император Николай Павлович посетил Дворянский полк. На фланге стоял кадет головой выше государя. Государь обратил на него внимание.

– Как твоя фамилия? – спросил он.

– Романов, Ваше Величество.

– Ты родственник мне? – пошутил государь.

– Точно так, Ваше Величество, – отвечал без запинки молодец-кадет.

– А в какой степени? – спросил государь, пристально посмотрев на кадета.

– Вы, Ваше Величество – отец России, а я сын ее, – отвечал находчивый кадет.

И государь изволил милостиво расцеловать своего находчивого внука.

* * *

Однажды император Николай Павлович возвращался в Зимний дворец по Екатерининскому каналу. Был морозный, тихий и светлый вечер. Около Каменного моста государь увидел мальчика мастерового, который стоял и горько плакал. Государь велел кучеру остановиться, подозвал мальчика и спросил, о чем он плачет?

Мальчик объяснил, что хозяин послал его за пивом, а он подскользнулся, упал и разбил бутылку, и теперь боится наказания, так как хозяин обращается с мастеровыми жестоко и взыскивает за всякую мелочь. Мальчик был красивый и понравился государю.

– Где живет твой хозяин?

– Здесь, на канале.

– Садись в сани.

Мальчик сел; подъехали к мастерской; государь вошел и назвал себя.

– Ну нет, – отвечал сапожник, – какой вы император! Ко мне император не пойдет; может быть, вы генерал, это, пожалуй.

Государь рассмеялся и сказал:

– Этого мальчика ты не тронь; сейчас приедет за ним флигель-адъютант и отвезет его ко мне.

Действительно, через час приехал флигель-адъютант, взял мальчика, который на другой же день был помещен в кадетский корпус.

* * *

Государь имел привычку на масленицу, во время качелей, выезжать на Марсово поле и объезжать шагом весь квадрат; однажды, среди общего ликования подгулявшего народа, толпа крестьянских детей подбежала к его саням и, не зная государя, запищала:

– Дедушка, покатай нас, дедушка!

Стоявшие подле будочки кинулись было разгонять детей, но государь грозно на них крикнул и, рассадив сколько уместилось детей в санях, обвез их вокруг Марсова поля.

* * *

Прогуливаясь по Невскому проспекту, император Николай Павлович встретил раз студента, одетого не по форме, возвращавшегося, как впоследствии оказалось, домой с приятельской попойки: шинель накинута была у него на плечи, шляпа ухарски надвинута на затылок, и неряшливость была заметна во всем.

Государь остановил его и спросил:

– На кого ты похож?

Увидев императора, студент растерялся и робко произнес в ответ:

– На маменьку!

* * *

Это было в 1829 году. Государь Николай I, по своему обыкновению, присутствовал на маскараде в Большом театре. Маскарады того времени отличались искреннею веселостью. Его Величество стоял около императорской ложи и беседовал с некоторыми из приближенных. Оркестр гремел торжественный марш. Государь, разговаривая, вместе с тем держал каску в

руках и слегка выбивал ею такт по своей ноге. Султан, незаметно для всех, вывалился из каски и упал на пол.

В это время, весь сияющий, подходит к государю с пакетом в руках Великий князь Михаил Павлович. Известно, что князь отличался остроумием. Подходя, он заметил вывалившийся султан и, поднимая его, произнес:

– Султан у ног Вашего Величества.

– Что? – спросил государь.

– Султан у ног Вашего Величества, – повторил князь и при этом подал пакет, в котором заключались бумаги о будущем Адрианопольском мире, заключенном в 1829 году.

* * *

Император Николай Павлович любил иногда пошутить, только не зло, со своими приближенными.

Однажды является к нему обер-полицмейстер Бутурлин с утренним рапортом и докладывает:

– Все обстоит благополучно, Ваше императорское Величество.

Государь сурово на него взглянул и произнес:

– У тебя все обстоит благополучно, а между тем, проезжая через площадь, ты не заметил, что статуя императора Петра Великого украдена.

– Как украдена? – испугался Бутурлин. – Но я донесения не получал... простите, Ваше Величество... тотчас поеду, обследую...

– Поезжай тотчас, и чтобы вор был в двадцать четыре часа найден... слышишь?

– Слушаю-с, Ваше Величество.

Вскочил Бутурлин на свои дрожки и помчался по набережной, и как только минул Адмиралтейство: вот он – Петр Великий, на своем месте.

Скачет Бутурлин обратно к царю и радостно докладывает ему:

– Ваше Величество, вам неправильно донесли: статуя на месте.

Государь расхохотался.

– Да сегодня – 1 апреля, и как ты поверил подобной чепухе?... Разве можно украсть такую тяжелую и громадную вещь.

«Постой, подумал Бутурлин, и я тебя, государь, надую обратно, ради 1 апреля». Вечером император сидит в оперном итальянском театре, по обычаю с левой стороны, в бенуаре, на авансцене. Идут «Гугеноты», и царь сильно увлечен музыкой и пением.

Влетает в ложу Бутурлин:

– Ваше Величество, пожар!

– Где? – спросил царь, являвшийся всегда на все пожары.

– Зимний дворец горит.

Царь вышел тотчас из ложи и помчался к дворцу в страшной тревоге.

Но, подъехав к нему, он никакого огня не увидел.

За ним скакал Бутурлин. Остановив кучера, царь обратился к Бутурлину:

– Где же горит?

– Сегодня 1 апреля, Ваше Величество, – торжествовал обер-полицмейстер.

Государь не на шутку рассердился.

– Ты, Бутурлин, дурак, – сказал он. – Только не подумай, что я говорю неправду ради 1 апреля. Приди ко мне завтра, и я повторю тебе то же самое.

Государь возвратился в театр, а на другой день Бутурлин получил другое назначение.

* * *

В начале 30-х годов, возвращаясь из Москвы, государь Николай Павлович оставался в Твери несколько дней, ожидая безопасной переправы через Волгу. Поставщиком для стола государя и свиты был местный купец-богач, который подал такой счет, что удивил того, кто этот счет принимал.

– Неужели у вас все так дорого? – спросили купца.

– Нет, слава Богу; такие цены только для государя. Нельзя же ему продавать как всякому прочему.

Стало это известно государю. Он пожелал видеть поставщика и спросил его:

– Так ты думаешь, что с меня надо брать как можно дороже?

– Точно так, Ваше Величество. Можно ли равняться в чем с Вашим Величеством нам, грешным рабам вашим? – Все что имею – ваше, государь; но в торговом деле товар и цена по покупателю, – отвечал купец.

– Ты, пожалуй, и прав отчасти, но хорошо, что не все так думают, как ты. У вас в Твери и мне было бы не по карману жить.

Счет был оплачен, и Николай Павлович в Твери больше никогда не останавливался.

* * *

В 1842 году, по случаю празднования серебряной свадьбы императора Николая Павловича, в Петербурге ожидали прусского короля Фридриха-Вильгельма, брата императрицы Александры Федоровны. Время назначенного приезда уже миновало, а короля все не было. Государь и государыня очень беспокоились. Но вот однажды, утром холодного, дождливого дня, из Кронштадта дали знать, что на горизонте показался пароход под прусским королевским флагом. В Петергофе забили тревогу; на пристани быстро собрались все лица, обязанные сопровождать государя. Приехал император с императрицей, все сели на пароход и под проливным дождем отправились к Кронштадту. Но, проходя уже по малому рейду, поняли: произошла ошибка. Дело в том, что тогда, за отсутствием железных дорог, пассажирское сообщение между Штетинем и Кронштадтом поддерживали два парохода, – один русский и один прусский; последний назывался «Прусский Орел» и имел флаг весьма схожий с королевским штандартом. На семафорном телеграфе перепутали, приняв один флаг за другой, и сообщили о прибытии королевского парохода вместо пассажирского. Легко представить себе ужас, в который пришел от такой ошибки морской персонал. Император Николай, ничего не подозревая, вышел с императрицей из каюты и стал на мостике; дождь лил как из ведра; оба парохода быстро сблизились: скрывать долее ошибку было невозможно. Никто, однако, не решался выступить с докладом. Наконец, управлявший морским министерством князь Меншиков возложил это неприятное поручение на вице-адмирала К. Дрожа всем телом, К. доложил о происшедшей ошибке. Наступило мертвое молчание. Грозно сдвинув брови, Николай Павлович взглянул на К. тем леденящим взором, который приводил в трепет самых неустрашимых людей. К. стоял неподвижно; кругом все замерло в ожидании развязки.

– Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю? – грозно спросил император.

К. молчал.

– Знаешь ли ты, что я с тобой сделаю? – возвысив голос, повторил государь.

К. молчал.

– Я заставлю тебя выпить три стакана морской воды, – с внезапно набежавшей улыбкой закончил Николай Павлович и, подав императрице руку, быстро спустился в каюту.

Так благополучно отделался неповинный К. именно потому, что государь тотчас же понял, что К. ни в чем не виноват и что он только послан сильнейшими для принятия на себя царского гнева.

* * *

Вскоре после холерного (1848) года, в России оказался страшный неурожай, и император Николай принял самые энергичные меры, чтобы уберечь народ от тяжелых последствий эпидемии и голода. Разрешен был беспошлинный ввоз хлеба, сбор податей и рекрутская повинность были приостановлены, значительные суммы были назначены на покупку зерна для посева на крестьянских полях. В то время императору доносят, что один из богатых хлебных торговцев, сделавший заблаговременно крупные закупки зерна, назначил его в продажу по ценам несоизмеримо высоким.

Николай послал одного из своих флигель-адъютантов узнать о причинах подобной спекуляции и спросить, не согласится ли торговец понизить цену.

– Не могу! – был ответ, – мне самому хлеб обошелся дорого и мне нельзя продавать его в убыток.

– В таком случае, – сказал император, – я не хочу ни принуждать торговли, ни разорять бедного человека; я требую только, чтоб он не смел ни одной четверти продать ниже заявленной цены.

Одновременно с этим сделано было распоряжение, чтобы из казенных складов хлеб продавался в розницу по цене осенней закупки. Эта мера принесла спекулянту более ста тысяч рублей убытку.

* * *

Император Николай Павлович занимался часто до двух и даже до трех часов ночи. Камердинер его говаривал: «Засну иной раз, а потом очнусь и подумаю: не пора ли государю раздеваться? Загляну, а он сам разделся и лег. Иной раз слышу шорох; смотрю, а государь, заметив, что я заснул, на цыпочках проходит мимо меня».

Государь был очень набожен. Окончив занятия, он всегда коленопреклоненно молился перед киотом, прилепив восковую свечку к спинке стула. Раз, утомившись от трудов, поздней ночью, он задремал, склонив голову на сиденье стула. Между тем, свеча нагнулась, и воск стал капать близ самой головы. Камердинер, увидав это, разбудил государя и позволил себе заметить:

– Ведь вы, Ваше Величество, наверное, так делаете, чтобы не знали, что вы ночью молитесь?

– Да, – отвечал государь.

– А вот, свеча-то наклонилась и воск на стул капает; еще немного и капнула бы вам на голову знак бы остался (у государя, как известно, была лысина) и все догадались бы.

– Правду говоришь, старик, – заметил государь.

– Не позволите ли, я аналойчик сделаю?

– Нет, хуже, будут знать.

Тогда старик камердинер устроил в киоте выдвижную дощечку, в которую вставил металлическую трубку для свечи.

* * *

Великим постом, в самую распутицу, император Николай Павлович ехал в санях в одиночку по Невскому проспекту. Он ехал тихо, потому что снегу было мало, а воды и особенно грязи пропасть, – она стояла целыми лужами, несмотря на то, что множество народу с метлами и лопатами расчищало улицу.

Государь заметил, что все, кто шел ему навстречу, снимая шляпы, улыбались.

– Не забрызгало ли меня грязью? – спросил он своего кучера.

Кучер обернулся и видит, что за царскими санями прицепилась девочка лет десяти, в изношенном стареньком платье, мокрая и грязная.

Кучер со смехом сказал государю в чем дело. Когда Николай Павлович сам повернулся к девочке, она не робея сказала:

– Дядюшка, не сердитесь... скорей домой хочу, видишь, какая мокрота, а я и то вся измокла.

Император приказал остановиться, посадил ее рядом с собою и отвечал:

– Если я дядюшка, так следует и тетушку тебе показать. В Зимний дворец! – приказал он, обратившись к кучеру.

Во дворце государь привел девочку к императрице Александре Федоровне и сказал:

– Вот тебе новая племянница.

Государыня обласкала бедную девочку и, узнав, что она круглая сирота, поместила ее в Дом трудолюбия и положила на ее имя в опекунский совет 600 рублей ассигнациями на приданое.

* * *

Какому-то богатому саратовскому помещику захотелось непременно увидеть государя. Для этого он, не долго думая, прикатил в Петербург. Гуляя около Зимнего дворца, весь полон мыслью о государе, помещик однажды встретил статного высокого роста мужчину в офицерской форме и плаще и, приняв его за одного из служащих при Дворе, просил у него совета, как увидеть государя. Незнакомцу он подробно рассказал при этом о своем общественном, семейном и материальном положении.

– Я живу сорок лет на свете, – говорил помещик, – но еще не видал нашего батюшку-царя.

Незнакомец спросил у него, не имеет ли он какого-нибудь прошения к государю. Помещик обозвал его чудачком и повторил, что он приехал единственно затем, чтобы увидеть государя и по возвращении на родину рассказать землякам о своих впечатлениях.

– А позвольте спросить, кто вы такой?

– Я – русский император, – ответил Николай Павлович, – с которым действительно повстречался саратовский помещик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.